

Лишь в туманных видениях, мимолетных и призрачных, Цуй Люю доводилось встречать воительниц, чья выправка и твердость духа не уступали мужской. В ту пору это зрелище вызывало лишь оторопь и болезненное чувство чего-то неестественного, почти кощунственного. Однако со временем, по мере того как его сознание принимало образы грядущего, он осознал, насколько ограниченными и косными были его прежние представления о мире.

Женщина-генерал, явившаяся из ночной тьмы в отблесках пламени, вела за собой отряд. Сотня всадниц двигалась в абсолютном безмолвии, их строй был безупречен. В каждом движении, в каждой тени, ложившейся на землю под копыта коней, чувствовалась суровая дисциплина и мощь, способная сокрушить любые преграды. Даже этот небольшой авангард излучал силу, перед которой дрогнули бы тысячи.

Это была она — родоначальница прославленных корпусов, чье имя спустя столетия станет символом женской доблести. Ван Тинлань. Министр Ван, генерал Ван, легендарный командир.

Первый офицер в истории Женского военного полка.

Услышав это имя, Цуй Люю невольно испытал глубокое облегчение. Трудно было сказать, что послужило тому причиной: то ли слава о её справедливости, дошедшая из будущих летописей, то ли её облик, в котором с первого взгляда угадывался неподкупный и твердый характер. Одно было ясно: если дело Ли Янь и судьба Цзянчжоу окажутся в её руках, можно рассчитывать на честный исход и мудрое решение.

Знатные юнцы, кичившиеся заслугами предков, могли творить бесчинства где угодно, зная, что за них заступятся влиятельные покровители. Но перед Ван Тинлань, которую потомки назовут Железной девой, все были равны. Даже для членов императорской семьи у неё не было исключений, если того требовал закон.

Цуй Люю мог не знать в лицо современных ему сановников, но не помнить личность такого масштаба, чьи портреты в будущем украсят учебники истории, он просто не мог.

Правда, будущие художники, кажется, накладывали на её образ слишком густой слой прикрас. На портретах она выглядела утонченной и нежной, а её доспехи напоминали ювелирные украшения. Реальность же оказалась иной. Перед ним стояла женщина с кожей цвета чеканной бронзы, с тонкими, плотно сжатыми губами и волевым разлетом бровей. От неё исходила аура неоспоримой власти, а зажатый в руке палаш «янлин» лишь подчеркивал этот образ, в котором гордость странным образом сочеталась с глубоким спокойствием.

Она гордилась своим предназначением, но помнила о долге защитницы народа. В ней стальная воля воина переплеталась с мягкостью, рождая то редкое чувство достоинства, которое Цуй Люю окрестил про себя статью «Лаогун-цзе».

Слухи не вдали: Великий император действительно ковал из женщин воинов, не уступающих мужчинам. В этой женщине воспитание и суровая жизнь взрастили авторитет, перед которым склонялись даже самые закоренелые вояки.

Возможно, взгляд Цуй Люя был слишком пристальным, или же сказала чуткость воина, но всадница мгновенно выделила его из толпы. Она прищурилась, внимательно изучая незнакомца.

Би Хэн, наконец опомнившись от радости, попытался подтолкнуть Цуй Люя вперед, чтобы представить его, но тот не сдвинулся с места. Проследив за взглядом друга, Би Хэн столкнулся глазами с Ван Тинлань и тут же вздрогнул, заслоня собой Цуй Люя.

— Ты только не вздумай с ней заигрывать, — зашептал он, склонившись к самому уху друга. — Она не из тех, кто годится в жены. Да и старше тебя на добрый десяток лет. Сяньди, отведи глаза, не то беды не миновать.

Вероятно, из-за того, что Ван Тинлань так и не вышла замуж и всю жизнь посвятила служению идеалам, она выглядела гораздо моложе своих лет. В ней чувствовалась та неувядающая закалка, что делает человека крепче любого гранита.

В глазах обывателя пристальный мужской взгляд всегда означает лишь одно — плотский интерес. Какая пошлость!

Би Хэн явно лишился рассудка, если решил, что Цуй Люя могут посещать подобные мысли.

Цуй Люю перевел взгляд на Би Хэна, и в его глазах промелькнула ирония.

— С чего ты взял, что я ищу себе новую жену? Би Хэн, только тот, у кого в душе прячутся тени, приписывает свои мысли другим. Вы ведь почти ровесники... Неужели ты сам когда-то пытался добиться её расположения, да получил от ворот поворот?

Би Хэн подскочил, точно кот, которому наступили на хвост. Его усы воинственно затряслись:

— Она дала обет никогда не выходить замуж! Не смей порочить мои помыслы, я лишь восхищаюсь её талантами. Чистое, платоническое восхищение!

Цуй Люю лишь хмыкнул, всем видом показывая, что не собирается спорить:

— Что ж, я тоже восхищаюсь. В Цзянчжоу отродясь не видели таких воительниц. Это редкость, достойная глубочайшего уважения. Кстати, брат Би, а есть ли у неё ученики? У меня в роду много внуков, и если бы была возможность...

Би Хэн посмотрел на него так, словно Цуй Люй был последним злодеем:

— Какое же у тебя жестокое сердце! Обречь девочек на такую долю? Жизнь в походах, под ветром и дождем... Даже мальчишки в лагерях рыдают каждый день, а что станет с девушкой? Если она и выйдет оттуда живой, то замуж её уже никто не возьмет.

Цуй Люй продолжал наблюдать за Ван Тинлань. Он видел, как она распоряжается на берегу, координируя действия своих людей с отрядом У Имина, как ловко они окружают затаившихся людей клановых глав. В каждом её жесте, в каждом слове сквозила уверенность и свобода человека, знающего себе цену.

Эта уверенность проистекала из её мастерства и независимости. Ей не нужно было опираться на кого-то, чтобы иметь право голоса. Цуй Люй искренне желал, чтобы и его потомки обладали такой силой духа — способностью самим распоряжаться своей судьбой.

В его взгляде не было праздного любопытства или мужского превосходства. Это было благоговение человека, воочию увидевшего легенду.

Оказалось, что эпоха, которую потомки назовут временем героев, — это и есть его настоящее. Те, чьи имена будут воспевать в веках, живут рядом с ним.

Какая невероятная удача! Если бы не те странные видения, он бы до самой смерти не узнал, насколько близок был к поворотному моменту истории, и упустил бы шанс спасти себя и свой род.

Его пронзила горькая обида за всех тех «маленьких людей», чьи имена история сотрет, оставив лишь сухие заметки о «страданиях народа и роскоши знати». Но теперь, имея шанс, он готов был заложить всё свое достояние, лишь бы доказать верность этому новому пути.

Впервые Цуй Люй ощутил осознанное желание сблизиться с властью имущими. Это было совсем не то чувство, что связывало его с Би Хэном. Тот был слишком понятен, слишком ограничен рамками своего времени и сословий. Ван Тинлань же была иной. Она была маяком новой эры, созданным самим Великим императором вопреки всем вековым традициям. Если бы не её нежелание покидать родные края, в столичном Департаменте по делам женщин заправляла бы она, а не Цзи Байлин. Видимо, в этом тоже был замысел государя — дать шанс молодым, но когда те не оправдали доверия, в дело вступила старая гвардия.

Стиль её действий — решительный и грозный — неуловимо напоминал самого Великого императора. Никаких проволочек, только результат.

Би Хэн тянул его в сторону, явно не желая сталкиваться с воительницей, но Цуй Люй твердо стоял на месте. Когда смутьяны были схвачены, Ван Тинлань прыгнула с коня и направилась к ним. Цуй Люй сложил руки в приветствии:

— Цуй Люй из уезда Хуйцой приветствует ко...

Слова застряли у него в горле. Ван Тинлань прошла мимо него, не удостоив взглядом, и замерла перед Ли Янь. Девочка, напуганная суতোлкой, пряталась за спиной Цуй Люя, не смея даже носа высунуть.

Но блеск доспехов и яркие огни привлекли её внимание. Стоило ей на мгновение выглянуть, как Ван Тинлань узнала её.

Она подошла вплотную, игнорируя всех вокруг, и протянула руку к девочке:

— Янь-эр, ты как здесь оказалась? Дитя, ты хоть знаешь...

Ли Янь вскрикнула и наотмашь ударила её по руке, ныряя обратно за спину Цуй Люя.

— Я тебя не знаю! Уходи! А не то... а не то я напущу на тебя своих жуков, и они тебя загрызут!

Ван Тинлань застыла. Лишь теперь она перевела взгляд на Цуй Люя. В её голосе уже не было прежней суровости, лишь мягкая, почти материнская тревога:

— Почтенный, что случилось с нашей Янь-эр? Почему она никого не узнает?

Воспользовавшись моментом, Цуй Люй представился и кратко изложил суть беды, приключившейся с Ли Янь.

Ван Тинлань слушала молча. Лишь то, как она раз за разом сжимала рукоять палаша, выдавало её ярость. Она то и дело смотрела на девочку с нескрываемой болью и нежностью, пытаясь ласково заговорить:

— Янь-эр, милая, иди ко мне. Это я, твоя тетушка Ван. Не бойся, я пришла забрать тебя домой.

Ли Янь лишь ниже опустила голову. С самого появления этих людей она была сама не своя, наотрез отказываясь идти на контакт с кем-либо, кроме Цуй Люя.

Цуй Люй вздохнул:

— Госпожа генерал, малышку Янь обманули люди, носившие такую же форму. Она не помнит подробностей, но страх ввелся в её душу. Не торопитесь. Ребенок перенес слишком много страданий, нужно время, чтобы рана затянулась.

Ван Тинлань замерла, глядя на понурую фигурку девочки. Спустя долгое мгновение она

выпрямилась и торжественно отдала Цуй Люю воинское приветствие. Её голос прозвучал четко и твердо:

— Благодарю вас. То, что Янь-эр жива, — ваша заслуга. От лица её родных и близких я низко кланяюсь вам. Господин Цуй, ваш долг перед этой девочкой — мой личный долг. Более того, вы оказали неоценимую услугу всему Цзиннаню и моему государю. Отныне, какая бы нужда ни привела вас ко мне, если это не претит закону и долгу, я сделаю всё, что в моих силах. Моё слово твердо.

Она говорила прямо и искренне, без той вежливой фальши и экивоков, к которым привык Цуй Люй. Перед ним был человек чести, для которого слова не были пустым звуком, несмотря на то что Цуй Люй был лишь простым землевладельцем без чинов и званий.

Это было равенство. Равенство в диалоге, которое подчеркивало перемены в государстве, где сословные преграды начали рушиться. Ради этого она и её единомышленники во главе с государем трудились не покладая рук.

В груди у Цуй Люя потеплело. Он почтительно поклонился:

— Госпожа генерал, вы преувеличиваете мои заслуги. Я и сам дед, и не мог пройти мимо попавшего в беду ребенка. К тому же я был не один — без помощи инспектора Би нам бы не удалось вырваться из ловушки. Но события приняли такой оборот, что мы оказались бессильны. Надеюсь лишь, что когда вы встретитесь с командиром Цю и госпожой Цзи, вы не сочтете наши усилия напрасными.

Ван Тинлань шагнула вперед и поддержала Цуй Люя за локоть:

— Их преступления будут расследованы по всей строгости закона. А то, что им пришлось пережить, — лишь плоды их собственных деяний. Вам не о чем беспокоиться. Мой государь справедлив: он не станет выгораживать виновных, даже если они ему близки. А ты, Би Хэн... Раз вы с господином Цуем называете друг друга братьями, тебе следовало разъяснить ему суть наших новых законов, а не заставлять его пребывать в такой тревоге. Разве государь не велел повсюду просвещать народ? Исполнил ли ты свой долг в полной мере?

Би Хэн покаянно сложил руки:

— Госпожа генерал, сколько лет, сколько зим! Поверьте, я всё объяснял брату Люю, но Цзянчжоу — место глухое, люди здесь привыкли к старому укладу, не всё сразу укладывается в голове. Да и не время сейчас спорить о моих обязанностях! Дел невпроворот, нужно решать, что делать дальше...

Стоявший неподалеку Лоу Вэньюй внимательно наблюдал за Ли Янь. Хотя тетушка Ван не сказала прямо, кто эта девочка, по её поведению было ясно: Ли Янь — личность исключительная. И очень важная.

Он подошел к У Имину. Тот изучал протоколы совещания глав кланов, и его брови лезли на лоб от изумления. Дочитав до конца, генерал шумно выдохнул:

— Клянусь предками, ну и деньжищи!

Лоу Вэньюй мгновенно забыл о своих вопросах и выхватил бумаги из рук товарища. Его взгляд замер на итоговой сумме.

Девять кланов. Семьи Цзян, Юэ и У вносят по миллиону лянов каждая. Остальные шесть — еще пять миллионов четыреста тысяч. Итого — восемь миллионов четыреста тысяч лянов серебра. И всё это — лишь за поддержку кандидатуры Цуй Люя на пост главы управы.

Лоу Вэньюй прошептал:

— Тут не только в деньгах дело... Смотри, что на обороте.

Там была приписка, сделанная позже: «...во время повторных переговоров господин Цуй хитростью выведal тайну девяти кланов. Предположительно, они владеют золотыми рудниками на безымянных островах вдоль морских путей...»

У Имин поскреб затылок и заговорщицки шепнул другу:

— Может, мне их допросить?

Золотые рудники! Если это правда, то военное министерство больше не сможет жаловаться на пустую казну и экономить на вооружении. Даже одежду солдатам можно будет шить из лучшей ткани.

У Имин так и горел желанием поскорее «побеседовать» с почтенными господами.

Но рядом стоял Лоу Вэньюй — его совесть и надзиратель в одном лице. Любой проступок генерала тут же заносился в реестр. У Имин чувствовал себя конем на привязи, не смея действовать по своей воле.

В строгой иерархии Северных земель командующий отвечал за бой, но рядом с ним всегда был наставник, ведавший дисциплиной. Все, от рядового до генерала, были под его надзором. Любая ошибка — предупреждение или немедленная отставка. У наставников был прямой доступ к самому государю.

Многие вспыльчивые военачальники поначалу роптали на такие порядки, но со временем признали их мудрость. Наставник брал на себя всё: от снабжения и дисциплины до воспитания боевого духа. В итоге солдаты становились послушными и сплоченными, а любые конфликты

решались на тренировочном поле, а не в пьяных драках.

Правда, была в этом и сложность для таких, как У Имин: пленные и подозреваемые теперь тоже находились под защитой устава. Никаких пыток без веской причины и личного надзора наставника.

У Имин умоляюще посмотрел на Лоу Вэньюя:

— Господин Лоу, брат Вэньюй! Ты же знаешь, как мы ждем жалованья. Скоро праздники, в казне пусто. Если мы доставим это золото, нас первыми наградят! Я уже забыл, когда последний раз был дома, сын скоро отца узнавать перестанет. Прояви милосердие! В Цзянчжоу всё равно нет столичных чинов, прижмем их слегка — никто и не узнает. Ну что тебе стоит, брат?

Лоу Вэньюй, которого генерал едва не тряс за плечи, высвободился и кивнул на Ван Тинлань:

— Совсем ослеп? Забыл, кто перед тобой?

У Имин осекся и хлопнул себя по лбу. От блеска золота он и впрямь позабыл о присутствии «Железной девы».

Лоу Вэньюй воспользовался моментом и тихо спросил:

— Кто такая эта Ли Янь? Ты слышал о ней раньше?

У Имин нахмурился, вспоминая:

— Кажется, сирота из Цзиннаня. Государь привез её в ставку, она жила в покоях маршала под присмотром моей тетки. Никто не говорил, кто она, я и не присматривался. Тогда она была совсем крохой, одни глаза да косточки. Надо же, как выросла!

Лоу Вэньюй едва не задохнулся от возмущения:

— Да когда же ты начнешь интересоваться делами собственной семьи?! Государь отправил тебя в Баочуань не просто так. Когда тетка отойдет от дел, тебе принимать командование ставкой! А ты... ты только и знаешь, что солдат муштровать. Иди уже, командуй своими людьми, пусть будут наготове.

Взаимоотношения офицеров Севера были лишены чопорности. Они четко разделяли службу и личную жизнь. На поле боя — приказ и подчинение, в палатке — крепкое братство. Старые чиновники, привыкшие к церемониям, называли это отсутствием приличий, но дух Севера был неумолим.

Видя, что Ли Янь никак не идет на контакт, Ван Тинлань не стала настаивать. Она пригласила Цуй Люя и Би Хэна к У Имину и Лоу Вэньюю.

Цуй Люй хотел было вежливо устраниваться, но Ван Тинлань решительно вовлекла его в круг. После того как Би Хэн кратко обрисовал ситуацию в городе, она настояла на участии Цуй Люя в военном совете. Её искренность была столь обезоруживающей, что Цуй Люй не нашел в себе сил отказать.

Ему и самому хотелось поближе познакомиться с этими людьми, стоявшими на острие перемен.

Стоило Ван Тинлань представить его офицерам, как те, не дав Цуй Люю и слова вставить, схватили его под руки. Их глаза так и сверкали:

— Тот самый Цуй Люй из Хуйцюя? Или всё же из Болина?

Би Хэн попытался вызволить друга из их медвежьих объятий:

— Какая разница! Это один и тот же человек.

Офицеры с облегчением выдохнули, но рук не разжали. Их восторг был почти пугающим:

— Господин Цуй... Так эти восемь с лишним миллионов — ваши «вступительные»? А золотые горы...

В протоколе черным по белому было написано, как этот пожилой господин обвел вокруг пальца глав кланов.

Этот старик сам был ценнее любой золотой горы...

Такого человека нужно было холить и лелеять!

Цуй Люй был ошарашен и насторожен. Лишь видя спокойствие Би Хэна, он понял, что перед ним люди простодушные и лишенные высокомерия. Они смотрели на него так, как преданный пес смотрит на сахарную косточку — с нескрываемым обожанием.

Тут уже не выдержала Ли Янь. Видя, что дедушку «схватили», она бросилась на выручку, размахивая руками:

— А ну, отпустите дедушку! Не смейте его обижать, а не то... не то я заставлю вас всех рожать детей!

За последние дни она усвоила, что эта угроза действует на мужчин безотказно. И понимая, что действительно обладает такой силой, она без колебаний пустила в ход свой главный козырь.

Ван Тинлань была поражена и тронута одновременно. Она мягко придержала девочку:

— Не бойся, милая. Они его не обижают, совсем наоборот.

Затем она строго взглянула на офицеров:

— Совсем стыд потеряли? А ну, отпустите господина Цуя!

Те мгновенно отпрянули. Один принялся поправлять Цуй Люю воротник, другой — разглаживать полы халата. Их рвение было столь велико, что Цуй Люю оставалось лишь неловко стоять, принимая эти знаки внимания.

Би Хэн довольно ухмыльнулся и одними губами прошептал другу:

— Иногда и сильному мужу приходится гнуть спину ради пары чаш риса. Терпи, это заслуженное почтение!

Наконец, загладив свою неловкость, офицеры развернули протоколы совещания:

— Господин Цуй, будьте добры, поясните...

<http://bllate.org/book/16118/1589134>